

НАИВНЫЙ ПОДВОДНЫЙ СТИЛЬ

Владимир Коренев приехал в Ялту на телекинофорум «Вместе»

Екатерина Сальникова

НЫНЕШНЕЕ кино может быть талантливым или оригинальным, но неминуемо меркнет, когда рядом появляется старый хит. Новейшее кино смотреть интересно, но от «Человека-амфибии» получаешь истинное удовольствие. 40-летие шлягера по фантастическому роману Александра Беляева в Ялте отмечалось без особой помпезности, приготовлений и специальной программы. Празднованием стала сама демонстрация фильма — на большом экране, прямо на набережной Ялты, рядом с памятником Ленину, не по-южному цивилизованным «Макдоналдсом» и шумно-пестрым миганием аттракционов. Толпа смотрела картину стоя, и непроизвольно мелькала недобрая мысль о том, что далеко не все фильмы конкурсной программы курортный народ захотел и психологически смог бы «выстоять».

Уличная публика не стеснялась реагировать вслух. С иронией и одновременно с завистью хором передразнивала и смаковала начало абсолютно проходной реплики «Вы, вероятно, проголодались...» Среагировали не на репризу, а на стиль — старомодную и не устаревшую церемонность, которая сразу превращала все события в иную реальность — вне быта, хамства и дешевого сленга. Крепко зажимая в руках бутылки с пивом и кока-колой, многие мечтательно заулыбались, когда в кадре возникла панорама «фантастического» города — с неоновой рекламой баккарди и мартини. Эти латинские буквосочетания уже перестали быть абстракцией для постсоветского человека. Но сами напитки остаются в стороне от массового круглосуточного обихода — и потому сохраняют свою эстетическую мифологию. И наконец, рев понимания прокатился в тот момент, когда человек-амфибия во время своей вылазки в город обнаружил полное незнание, что такое деньги. Раздав непроданную рыбу прохожим, Иктиандр расплачивается со скандалящим продавцом неадекватно щедро — целой пачкой купюр. Продавец в ужасе и счастье убегает, вопя: «Сумасшедший миллионер!» Вслед за фантастическим к нам пришел реальный капитализм. И особенно острое, еще непривычное сочувствие в таких сценах теперь вызывают те, кто знает цену деньгам и глазееет на идеалиста из чистой морской воды как на подозрительную диковинку и беспомощную дикость. В советские годы сюжет «Человека-амфибии» воспринимался, скорее, как судьба неординарной (неидеологизированной) личности в жестоком социуме. Сейчас воспринимается как конфликт обаятельного мирного дикаря с красивой, но хищной цивилизацией, закон которой невозможно отменить. Они ничуть не менее объективны, чем законы природы. Раньше картина смотрелась как романтическая драма, теперь — как популярная трагедия, подслащенная для утешения эффектным декором.

На юбилей фильма приехал сам человек-амфибия — актер Владимир Коренев и один из режиссеров картины Владимир Чеботарев. Символ прекрасного и благородного мужчины для многих поколений советских женщин, Вла-

димир Коренев дал интервью корреспонденту «НГ».

— Владимир Борисович, ваш фильм и сейчас представляет очень красивое романтическое зрелище. Как проходили подводные съемки «Человека-амфибии» и где снимались городские сцены?

— Полгода я учился плавать, каждый день тренировался, работал со специалистами из Института физкультуры. Я должен был освоить стиль «подводный дельфин» — он очень красивый, и под водой иным стилем плавать невозможно. Рыбы не случайно плавают именно так. Были приготовлены акваланги для подводных съемок, они находились на каком-то расстоянии друг от друга, страховщик мне их подавал, когда мне не хватало воздуха. А сцены

социальную идею автора. А если кино — просто рассказ о жизни, даже фантастический, эта история будет жить постоянно. Потому что люди, в общем, не очень меняются. Честность — всегда честность. Порядочность — всегда порядочность. И проблемы — те проблемы, с которыми мы постоянно сталкиваемся. И поэтому «Человек-амфибия» не так уж зависит от перемен в окружающей жизни. Я понимал, что сама по себе фантастическая коллизия «Человека-амфибии» не поражает. Дело не в ней, а в сюжете человеческого. О том, как искренний чистый человек, с философией природного существа, воспринимает выдуманные людьми условия, обстоятельства, финансовые отношения как противоестест-

ся, если что-то не переменится. У меня очень много социальных «но» по отношению к нашей действительности. Раньше нам говорили, что от развитости производственных сил и производственных отношений зависит уровень культурного развития. Чуть собачая! Уровень культуры от этого совершенно не зависит. В античности был рабовладельческий строй, при котором никакого стимула у производственных сил, то есть у рабов, к прогрессу не было. Но при этом создавалась величайшая культура. Кстати, я жил когда-то в тех местах, на Дунае, куда ссылали Овидия. Так вот, когда Овидий умер, Христу было одиннадцать лет. Наступила эра христианства. Христианство преобразило и культуру и впоследствии дало мощный импульс преобразению всего человеческого общества. Теперь мы соединили в своем сознании капитализм и демократию и убаюкиваем себя этой идеей. Но ведь ничего подобного! Капитализм совершенно спокойно уживается не только с демократией. Он уживался с национал-социализмом в Германии. В Китае капитализм уживается чуть ли не с «коммунизмом». В Латинской Америке при капитализме бывали совершенно недемократические режимы. Поэтому за демократию, за свободу надо бороться всегда. Власть во все века в России рассматривала художников как свое идеологическое подразделение. А, по сути дела, наши позиции часто бывают противоположны, антагонистичны. Если правительство часто исходит из политической целесообразности, то художник не может исходить из этого, он должен исходить из чувства справедливости. Средства должны всегда соответствовать целям.

— Каким должен быть современный сюжет в кино, чтобы вам было не противно сниматься? И есть ли у вас планы работы в кино?

— Я занят в главных ролях у себя в Театре имени Станиславского и очень много играю. Из одиннадцати названий репертуара я занят в девяти и без вторых составов. Получается около 20–22 спектаклей в месяц, и еще я преподаю. Потом я в отличие от Владимира Ильича Ленина не считаю, что кино для нас важнейшее из искусств. Для меня таким искусством является театр. А кино — это как любовь по телефону, когда партнерша на другом конце провода. А в театре все рядом, в одном зале. Я люблю спектакль за его эфемерность, за то, что он не может тиражироваться. Я не бедствую, чтобы пускаться во все тяжкие и сниматься ради денег. А современные картины у меня не вызывают восторга. Там нет современного героя, который бы мне нравился. Там либо бандиты, уголовники, либо заказчики убийств, либо те, кто за ними охотится. Но нравственные критерии размыты у обоих, притупилось чувство справедливости. Я бы сказал, что дело не в сюжете, а в необходимости хорошего режиссера. Настоящий художник никогда не возьмется за вульгарную работу. У него, как правило, достойный сценарий, и любую историю он снимает на должном уровне. И еще я считаю, что по-прежнему ценной для нашей культуры остается классика. Классическое произведение всегда современно. Без Пушкина, Чехова, Набокова, Бунина — что бы мы сейчас из себя представляли?..

И у человека-амфибии есть дети...
Фото ИТАР-ТАСС

димир Коренев дал интервью корреспонденту «НГ».

— Владимир Борисович, ваш фильм и сейчас представляет очень красивое романтическое зрелище. Как проходили подводные съемки «Человека-амфибии» и где снимались городские сцены?

— Полгода я учился плавать, каждый день тренировался, работал со специалистами из Института физкультуры. Я должен был освоить стиль «подводный дельфин» — он очень красивый, и под водой иным стилем плавать невозможно. Рыбы не случайно плавают именно так. Были приготовлены акваланги для подводных съемок, они находились на каком-то расстоянии друг от друга, страховщик мне их подавал, когда мне не хватало воздуха. А сцены

социальную идею автора. А если кино — просто рассказ о жизни, даже фантастический, эта история будет жить постоянно. Потому что люди, в общем, не очень меняются. Честность — всегда честность. Порядочность — всегда порядочность. И проблемы — те проблемы, с которыми мы постоянно сталкиваемся. И поэтому «Человек-амфибия» не так уж зависит от перемен в окружающей жизни. Я понимал, что сама по себе фантастическая коллизия «Человека-амфибии» не поражает. Дело не в ней, а в сюжете человеческого. О том, как искренний чистый человек, с философией природного существа, воспринимает выдуманные людьми условия, обстоятельства, финансовые отношения как противоестест-

ся, если что-то не переменится. У меня очень много социальных «но» по отношению к нашей действительности. Раньше нам говорили, что от развитости производственных сил и производственных отношений зависит уровень культурного развития. Чуть собачая! Уровень культуры от этого совершенно не зависит. В античности был рабовладельческий строй, при котором никакого стимула у производственных сил, то есть у рабов, к прогрессу не было. Но при этом создавалась величайшая культура. Кстати, я жил когда-то в тех местах, на Дунае, куда ссылали Овидия. Так вот, когда Овидий умер, Христу было одиннадцать лет. Наступила эра христианства. Христианство преобразило и культуру и впоследствии дало мощный импульс преобразению всего человеческого общества. Теперь мы соединили в своем сознании капитализм и демократию и убаюкиваем себя этой идеей. Но ведь ничего подобного! Капитализм совершенно спокойно уживается не только с демократией. Он уживался с национал-социализмом в Германии. В Китае капитализм уживается чуть ли не с «коммунизмом». В Латинской Америке при капитализме бывали совершенно недемократические режимы. Поэтому за демократию, за свободу надо бороться всегда. Власть во все века в России рассматривала художников как свое идеологическое подразделение. А, по сути дела, наши позиции часто бывают противоположны, антагонистичны. Если правительство часто исходит из политической целесообразности, то художник не может исходить из этого, он должен исходить из чувства справедливости. Средства должны всегда соответствовать целям.

— Каким должен быть современный сюжет в кино, чтобы вам было не противно сниматься? И есть ли у вас планы работы в кино?

— Я занят в главных ролях у себя в Театре имени Станиславского и очень много играю. Из одиннадцати названий репертуара я занят в девяти и без вторых составов. Получается около 20–22 спектаклей в месяц, и еще я преподаю. Потом я в отличие от Владимира Ильича Ленина не считаю, что кино для нас важнейшее из искусств. Для меня таким искусством является театр. А кино — это как любовь по телефону, когда партнерша на другом конце провода. А в театре все рядом, в одном зале. Я люблю спектакль за его эфемерность, за то, что он не может тиражироваться. Я не бедствую, чтобы пускаться во все тяжкие и сниматься ради денег. А современные картины у меня не вызывают восторга. Там нет современного героя, который бы мне нравился. Там либо бандиты, уголовники, либо заказчики убийств, либо те, кто за ними охотится. Но нравственные критерии размыты у обоих, притупилось чувство справедливости. Я бы сказал, что дело не в сюжете, а в необходимости хорошего режиссера. Настоящий художник никогда не возьмется за вульгарную работу. У него, как правило, достойный сценарий, и любую историю он снимает на должном уровне. И еще я считаю, что по-прежнему ценной для нашей культуры остается классика. Классическое произведение всегда современно. Без Пушкина, Чехова, Набокова, Бунина — что бы мы сейчас из себя представляли?..

Ялта

Коренев Владимир

11/10/04